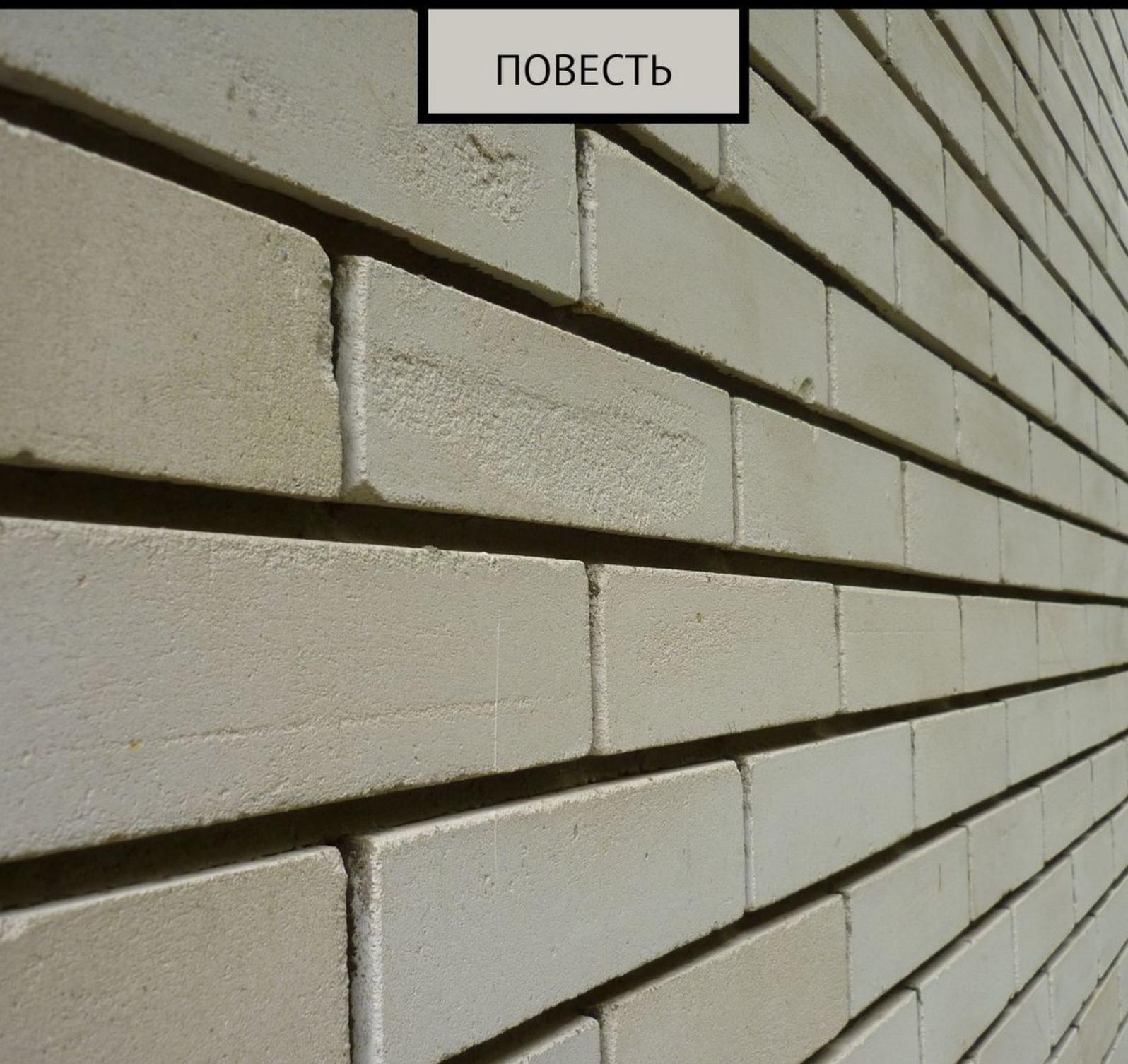

ДМИТРИЙ КОРОБКОВ

ХИРУРГИЯ

ПОВЕСТЬ

Дмитрий Коробков

ХИРУРГИЯ. Повесть

«Издательские решения»

Коробков Д.

ХИРУРГИЯ. Повесть / Д. Коробков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834030-7

Повесть о том, как легко можно оказаться в больнице и как бывает не просто остаться здоровым. Герой произведения впервые оказывается в медицинском учреждении в качестве пациента. Всё здесь для него ново, на грани открытия. Его окружением становятся медработники и другие пациенты с разными судьбами и разными болезнями, но всех их свела «Хирургия». Будьте здоровы!

ISBN 978-5-44-834030-7

© Коробков Д.
© Издательские решения

Содержание

Хирургия	6
Часть 1. Реанимация	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

ХИРУРГИЯ

Повесть

Дмитрий Коробков

© Дмитрий Коробков, 2019

ISBN 978-5-4483-4030-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хирургия

Часть 1. Реанимация

«Ну, вот и проснулись. Необычное для меня утро. Кажется, ночью я даже не пошевелился. В этом положении отключился вчера, в этом же положении проснулся сегодня. Какое хорошее утро. Должно быть даже замечательное. Чистое весеннее небо с чёрными ветками деревьев, – это всё, что мне видно в окно. Набухших почек с молодыми листьями на ветвях этих деревьев мне не видно, но они там есть, я знаю. Они набухают, наполняясь соком, подготавливаются к новой жизни. Жаль, что в этом году моя весенняя охота, кажется, не состоится. Да, что там, кажется, не состоится, это точно. А как хотелось бы вдохнуть полной грудью всю свежесть наступившей весны. Прозрачная синева неба, словно разбита на множество осколков недвижимыми ветвями деревьев. Этот ограниченный пейзаж, картиной во всю стену, единственное, что мне видно в огромное окно реанимации. А ведь за окном апрель. Весенняя утиная охота, день рождения сына. Неужели я не смогу его поздравить дома? Кто знает, насколько я здесь задержусь. Ещё мне в окно видна крыша невысокого строения. Кто-то сказал, что это здание морга. Кто говорил? Кому? В памяти не сохранилось. Запомнилось, что морг. Удачное расположение, прямо под окнами реанимации, – бодрит. Хорошо, что видна только крыша и мне не придётся вести отрицательную статистику этого славного медицинского учреждения, приютившего меня на неопределённое время. Всё-таки интересно, на какое?»

– Как себя чувствуешь? – Залетел в палату дежурный врач, которого я вчера немного напряг.

– Нормально.

– В окно не сиганёшь?

– В окно? Зачем? – не понял я его.

– Так, шутка. Откачивал я тут одного, а он в окно собрался прыгать.

– А я здесь причём?

– Да так просто. Вот здесь расписаться надо, – он положил рядом со мной бумаги, протягивая ручку.

– За что?

– Согласие на операцию, на переливание крови, отказ от претензий, и прочее.

– Так мне ж ничего не переливали. У Вас крови-то не было...

Я вспомнил, как поступил в больницу. Отравившись накануне вечером, видимо курицей, а возможно и поранив свой пищевод мелкой костью, при поедании пернатой, не слишком тщательно пережёвывая её плоть, меня стошнило утром. Капля крови в тазике тогда не вызвала у меня особой тревоги. Я сполоснул его и, поставив у кровати снова лёг. Это недомогание внесло коррективы в мои субботние планы, но я ещё надеялся, что не на весь день. Когда вдруг стошнило во второй раз, крови оказалось больше, это заставило вызвать «Скорую помощь». Медики приехали довольно быстро, вернее один медик. Молодой врач, или фельдшер, я не силен в медицинской терминологии, не нашёл у меня ничего кроме отравления. Но, как по заказу, меня вдруг стошнило кровью в пластиковый тазик прямо у него на глазах. Это уже была не капля. Крови было так много, что врач перепугался не на шутку.

– Лёд, мясо, всё, что есть в морозильнике, неси сюда! – приказал он дочери, которая была дома.

Она принесла замороженное мясо и морковку, льда не было. Обложив меня со всех сторон холодными продуктами, он воткнул в руку капельницу.

– Найди, кто поможет перенести его в машину, – вновь обратился он к ней.

– Да ладно, я и сам дойду, если надо, – попробовал я разрядить возникшую суету.

Но фельдшер не обращая внимания на мои слова, снова окольцевал мою свободную от капельницы руку надувной манжетой. Вторично измерив мне давление, он позвонил своему водителю. Вернулась дочь с соседом. Поднялся водитель с мягкими носилками, или чем-то похожим на это. Хотя мне казалось, что я в состоянии сам спуститься к машине скорой помощи, меня погрузили, вынесли. Грузовой лифт ждал нас на этаже. Ещё одна соседка стояла в нём, удерживая кнопку «Стоп». Повезло, что день был выходной – почти все соседи дома.

Жена с сыном, сразу после завтрака, ушли в спортивную школу на соревнования сына, которые я тоже надеялся застать, пусть даже не с начала. Мне казалось, что тошнота пройдёт, и я успею к ним присоединиться. Первый раз пропускаю его выступление.

– В какую? – спросил водитель фельдшера.

– В ближайшую!

– Ясно.

В машине фельдшер держит пакет с лекарством, которое поступает в меня по капельнице. Рядом дочь. Они как-то жалостливо смотрят на меня. Момент трагизма довершает вой сирены скорой помощи. «Неужели всё так хреново? – возник в голове вопрос, – или просто положено её включить»? Я не чувствовал глобального ухудшения самочувствия, так мутит слегка. Всё, кажется, как было утром. «Я нормально ходил по квартире, – вопросы складывались в непонимание происходящего, – пил кофе. Только от завтрака отказался». Скорость машины резко замедлилась, сирена стихла. «Видимо, приехали. Быстро! Черета крутых поворотов, – точно едем по территории больницы. Сдаёт назад. Стоп». Отдав мне пакет капельницы, фельдшер катит меня по коридору больницы. Заезжаем в лифт. «Недолго, наверное, второй этаж». Он звонит в дверь. «Вот как интересно; никогда не думал, что в больнице есть звонки и запертые двери. Сейчас раздастся: „Никого нет дома“». Не раздалось, дверь открыли. Меня завезли в открывшиеся двери, подошли медработники.

– А что вы сюда его привезли? – возмутился невидимый мне голос, – порядков не знаете? Везите его в приёмное отделение, пусть оформляют, как положено, и решают, куда его направлять.

– Да из него при мне литра два крови вылилось, – оправдывался фельдшер.

– Посмотрите на него, – обратил на меня внимание недовольного врача его помощник, стажёр или медбрат.

Врач подошёл, посмотрел на меня. Не знаю, что он увидел, но его тон и голос резко изменились.

– Адреналин, капельницу!

Всё вокруг засуегилось. Сёстры быстро, но аккуратно сняли с меня футболку, не задевая иглы в руке. Спортивные штаны вместе с трусами и носками также незамедлительно соскользнули с меня при помощи их ловких рук. Укрыли простынёй.

– А это ещё зачем? – удивился я, что меня полностью обнажили.

– Так надо, – сухо ответил врач. И обращаясь к фельдшеру:

– Бери его паспорт и сам всё оформи в приёмном отделении.

Около ключицы что-то с хрустом меня пронзило. «Ещё одна капельница, прикольно, мне, что так плохо»?

– Какая группа крови? – обратился врач ко мне.

– Третья.

– Отрицательная или положительная?

– Отрицательная.

– Плохо.

– Что плохо?

– Нет у нас третьей отрицательной! Если проблема с желудком, то мне придётся тебя резать, а крови нет! Если с пищеводом, то можно попробовать...

Это откровение прозвучало полу приговором, но почему-то совершенно не тронуло меня. «Мне действительно так плохо, что уже не волнует, выйду я отсюда или нет? Странно, лёжа я чувствую себя почти нормально, правда, в меня постоянно вливаются всякие препараты... Мужик, стало быть – хирург».

Меня повезли обратно к дверям, через которые вкатывали сюда.

«Вот ведь, – ухмыльнулся я про себя, – так ногами вперёд и выкатывают. Хоть бы каталку развернули, что ль для приличия».

– Куда его? – у лифта, с моими вещами, стояла дочь.

– Жизнь спасти! – буркнул врач, озадаченный отсутствием нужной для операции крови.

Из лифта, минуя коридор, каталку завези в кабинет со всяким медицинским оборудованием. Ещё один медик, хозяин кабинета, уже нас ждал.

– Попробуем найти источник кровотечения.

У меня вынули из руки иглу капельницы и отсоединили ту, что была под ключицей. Катетер закрыли пробкой, а меня повернули на бок. В руках у хозяина кабинета оказался странный шланг. «О, как! Сейчас эту хреновину в меня засовывать будут, – неприятная неожиданность встревожила меня, – я в жизни не делал никаких „скопий“ с заглатыванием „кишки“. Но это не кишка, это какой-то огромный шланг». В рот брызнули и вставили пластиковую втулку. Дежурный хирург держал мне руки, а другой, со шлангом, стал засовывать его мне в рот, через зажатую в зубах втулку, прямо в горло... Я стал давиться, тошнота рвалась наружу. Импульсивные движения были естественны и бесконтрольны.

– Держи его, что смотришь? – крикнул хирург своему помощнику.

Тот здоровяк навалился на меня. «Ну, что они делают? – накрыло меня ужасом, – неужели не понимают, что я сейчас задохнусь»? Толи мои мычащие конвульсии, толи врач со шлангов увидел на экране монитора поднимающуюся лаву, но только он поспешно выдернул из меня своё орудие и я обильно обдал кровью всё вокруг себя. Медики ослабили хватку. Ещё раз брызнули мне в горло. Милосердно дали возможность отдышаться пока обтирали шланг с загубником. Вторая попытка проходила чуть менее противно, но я терпел.

– Нашёл. Разрыв пока не очень большой. Можно попробовать запаять.

«Вот только паяльника мне не хватает для полного счастья. И утюжком прогладить».

Я ничего не почувствовал, из того, что происходит у меня внутри. Шланг во мне и медики на мне парализовали не только возможность двигаться, но чувствовать.

– Сейчас залью шов лекарством...

Он ввёл, что-то в шланг снаружи тогда только я почувствовал лёгкий холодок у себя внутри. Лекарство разливалось по обожжённой ране. Шланг извлекли. «Какая интересная штучка! – теперь, с облегчением, смог констатировать, – и камера, и лазер, и трубопровод». Окровавленную подушку из-под меня убрали. Обтёрли лицо. Подсоединили капельницу. Молча покатали обратно.

У дверей лифта второго этажа подбежала дочь.

– Что с ним?

– Нормально. Считаю, что повезло.

Меня закатали в просторную палату. Поменяли простыни, а вот другой подушки у них не нашлось. Сунули под голову свёрнутое одеяло, покрытое простынёй, – жестковато. В палате ещё трое, но тут кажется, не представляются... Оставшаяся часть субботы прошла без приключений. Соревнования сына я всё-таки пропустил.

Я поставил свои кривые загогулилки на всех бумагах дежурного хирурга. Рука почему-то плохо слушалась.

Вставать мне нельзя, нельзя даже сидеть. Здесь строго. Но это не страшно, что ничего нельзя, у меня всё равно нет сил практически ни на что. Вот если бы силы и желания были, а не было бы возможности, тогда, это обидно – быть привязанным к кровати. Но нет, я не привязан к кровати в прямом смысле, как наркоман в ломке, разве что трубкой капельницы. И всё на своём месте: я, в кровати, катетер во мне, в нём трубочка капельницы на стойке. Стойка капельницы напоминает стойку бара. На ней сразу несколько склянок и пакетиков с лекарствами, а тот здоровяк, словно бармен – шприцует их разными добавками и поочередно подключает к моему кровотоку. Правда, эйфории я от этого не ощущаю. Да, ещё музыки нет с танцами.

Впервые в жизни оказался в больнице в качестве пациента и сразу такая «удача» – реанимация. Всё окружено вниманием и заботой, прямо обслуживание в номерах: раздели, уложили, вот только совсем не кормят, даже пить не дают из медицинских соображений, естественно, и моих ограниченных возможностей.

Соседями по палате оказались соседки. «Интересная сложилась ситуация, – лежу обнажённый в компании трёх обнажённых женщин. Да, палата четырёхместная, прямо групповуха какая-то. Хорошо хоть, что все прикрыты простынями, и нельзя подниматься, а то могло бы получиться забавное кино... Я стал представлять себе, как все четверо, держась за стойки капельниц, бредут по сумеречному коридору, озаряемому мерцающими вывесками «Выход» или что-то в этом роде. Хичкок отдыхает! Голые бабки с капельницами... Фильм и реальность будут несопоставимы, главное чтобы это теперь не приснилось, ночных кошмаров мне только не хватало. Рядом со мной, но на достойном расстоянии между кроватями – каталками, лежит возрастная дама с неясным пониманием происходящего. Она периодически снимает с себя маску, усаживаясь на кровати. Я отворачиваюсь. Её укладывают, укрывают, надевают маску. Наверное, там кислород или что-то ещё, но сама маска ей явно надоела.

Напротив меня лежит почтенная бабуля с дополнительной трубкой для питания. Видимо она здесь давно, раз её приходится кормить таким образом. Бабулька не издаёт ни звука и не шевелится. Смирный пациент.

Только по диагонали от меня, у окошка лежит, кажется, молодая женщина. Кажется, только по голосу, которым она обращается к персоналу. Её лица мне почти не видно. Слышно только когда она просит «утку». «Неужели и мне придётся делать подобное в дамском обществе? – новый ужас охватил меня, – голодная диета мне в помощь!»! Между собой все четверо, включая меня, не сказали друг другу ни слова. «Какая невежливость».

В воскресный день медики больше «колдовали» надо мной, видимо как за новичком. Дежурный хирург подходил ко мне чаще, чем к другим, постоянно давая указания своему помощнику, который пичкал меня внутривенно лекарственными изысками.

– Завтра тобой займётся лечащий врач. Моё дежурство заканчивается, – попрощался со мной хирург реанимации.

– Спасибо.

Настало утро понедельника. Немного хочется есть, но больше пить. Однообразие положения на кровати несколько тяготит. Хорошо, что катетер воткнули не в руку, а в области ключицы, это давало относительную свободу в выборе положения. Я переворачивал себя, то с боку на бок, то на спину, как блин на сковородке, не давая «подгореть». Блин конечно на бок не повернуть, как и меня на живот. Некоторое смущение вносили медсёстры со своими, нет скорее с моими, гигиеническими процедурами. Они, в четыре руки, обтирали моё обнажённое тело с одновременным обсуждением вопроса: «На кого я больше похож? Кого-то я им напоминаю»? Перебирая известных киноактёров, медсёстры бесцеремонно брызгали на меня из аэрозольного баллончика, протирая салфетками, как будто бы полировали мебель. Сошлись на Шарاپове. Поскольку моя реакция или вернее одушевлённость их совершенно не волновала, перестал беспокоиться и я. Даже мои интимные места никак не реагировали на прикосно-

вание к ним женских рук. Видимо всему виной были их перчатки, да недостаток крови в моих органах. Зубы чистил сам жидкостью на ватной палочке. Жаль не побрили. Придётся принимать обход слегка заросшим щетиной.

Лечащий Врач оказалась – женщина. Обходительная, средних лет, после обхода и знакомства с историей моей болезни она принесла мне бутылочку воды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.